

Он окинул взглядом окрестности, заметил пару подходящих по длине ветвей, подкинул одну носком сапога и поймал на лету. Приняв боевую стойку перед князем Цзинем, он бросил:

— Шоучжи, посмеешь принять вызов?

Князь, раззадоренный его вызывающим поведением, тоже отыскал похожую ветвь, взял её в руки и с азартом парировал:

— В таком случае прошу молодого генерала меня поучить!

В юности князь Цзинь обучался фехтованию у прославленных наставников. И хотя его удары не отличались той же свирепостью и безжалостностью, что у Шэнь Си, в них чувствовалась куда большая основательность и широта, а в самом стиле проступало особое благородство. Шэнь Си же сражался ради забавы, полностью погасив свою убийственную ауру, поэтому его приемы неизбежно стали много слабее. Сойдясь в поединке, они какое-то время не могли одолеть друг друга.

Ту Моэр, словно злой дух, застыл в тени. Положив руку на рукоять меча, он неотрывно следил за князем и Шэнь Си. Гу Чжоцзы стоял рядом, лениво взмахивая веером из перьев и так сильно вытягивая голову в плечи от холода, что весь съёжился. Пушинки на кончике веера случайно задели щеку Ту Моэра, но тот даже не шелохнулся и лишь бесстрастно отступил в сторону на пару вершков.

Князь Цзинь проиграл трижды подряд, и каждый раз Шэнь Си наносил ему символический удар, повергая в безвыходное положение. Несмотря на сокрушительное поражение, князь был необычайно доволен:

— Няньцин, я уступаю тебе в мастерстве, всё же ты меня превосходишь. Теперь я сдаюсь и признаю твоё престиж.

Шэнь Си с лёгкой усмешкой покачал головой:

— Такой человек, как я, полагается лишь на меч, а такой, как ты, — управляет мечом через людей. У каждого своё ремесло, и нет ничего удивительного в том, что я выиграл. Впрочем, как бы быстр ни был мой меч, ему не справиться с тысячами воинов, а твой меч способен вершить судьбы миллионов простым росчерком. В конце концов, это я тебе уступаю.

Услышав это, князь Цзинь на мгновение умолк. Задумчиво глядя вдаль, туда, где у подножия Люгушань расстилались бескрайние леса, просторы и катила свои воды бурная Фэньшуй — всё это было прекрасными землями его удела. Сейчас всё, куда хватало глаз, казалось мирным и безмятежным, но пройдёт совсем немного времени, и эти места охватят пламя и дым войны.

— Если татары пойдут войной, должны ли мы отчаянно сражаться до конца?.. — голос князя звучал очень тихо, и было непонятно, спрашивает ли он Шэнь Си или самого себя.

Шэнь Си взмахнул веткой, заменявшей ему меч:

— Если татары действительно пойдут войной, конечно, нужно сражаться!

Заметив, что князь опустил голову в глубоких раздумьях, он открыто улыбнулся:

— Я знаю, чего ты боишься. Ты боишься проиграть битву. Но разве поражение в сражении означает окончательный крах? Татары считают мужей Великого Чжоу слабыми и

податливыми, тем более на поле боя мы должны показать им храбрость и отвагу чжоуцев, дать им понять, что даже если у Великого Чжоу останется всего один последний воин на последнем скакуне, мы будем сражаться до самого конца!

Князь Цзинь помолчал немного, глядя на Шэнь Си, затем принял твёрдое решение. Сжав кулак, он со всего маху ударил им по ладони:

— Хорошо! Будет по-твоему, сразимся изо всех сил! Разобьем их так, чтобы никто не вернулся назад, и клочка доспехов не оставим!

На следующий день князь Цзинь с отрядом продвинулся ещё на триста ли на север и лишь когда солнце склонилось к западу, вернулся в город Цзиньян. Кто бы мог подумать, что вскоре после въезда в город им преградит путь толпа зевак, столпившаяся на улице.

Сидя на высоких благородных конях, они прекрасно видели, как в самом центре бурлящей толпы какой-то смазливый молодой человек в алых одеждах треплет за воротник исхудавшего паренька и яростно бранит его:

— А еще говоришь, что не ты украл этот кошелек! Если не ты, почему он оказался у тебя в руке?

Позади юноши в алом толпилась ватага таких же румяных и аккуратно одетых слуг. Судя по всему, все они были совсем юными, и каждый наперебой орал на подростка, воинственно размахивая руками:

— Точно он! Бесполезно отпираться до последнего! Такой мелкий, а уже за дурное берется, в воришки подался — ну просто мерзость! Бить его, бить!

Подростка держали за воротник, и ему оставалось лишь жалко выпячивать грудь и тихо оправдываться:

— Я не крал... Я подобрал его на земле, я же не знаю, кто его уронил...

Он был невысок ростом, а голос звучал так тихо, что его слова тут же утонули в хоре обвинений со стороны обидчиков.

После нескольких перепалок из-за пазухи подростка случайно выпал какой-то предмет. Молодой человек в алом проявил невероятную расторопность: в мгновение ока он выхватил вещь и, приглядевшись, ахнул — это был кожаный бурдюк для вина с серебряным горлышком. Теперь юноша в красном чувствовал себя ещё более правым:

— А говорил, что не воришка! Погляди на свою нищенскую физиономию, с какой стати тебе носить такие хорошие вещи? Хм, бесспорно, украл!

Шэнь Си с первого взгляда узнал этот винный бурдюк — он сам им пользовался. Смутно вспомнив, что в тот день за пределами Нинчэна какой-то умирающий от голода парень подавился сухим мясом, которое он жадно грыз, Шэнь Си тогда стало забавно, и он просто бросил свой бурдюк бродяге, чтобы тот мог спастись. Образ из воспоминаний постепенно слился с мальчишкой, стоявшим перед ним, и Шэнь Си невольно усмехнулся: надо же, когда у человека такая жалкая внешность, даже небеса любят его обижать и норовят насолить на каждом шагу.

Заметив, что его добычу отобрали, подросток бросился отнимать её:

— Я ничего не крал! Это... это подарок генерала!

— Подарок генерала? Ну и небылицы ты сочиняешь, просто возмутительно! — молодой человек в алом, разумеется, не поверил и с размаху оттолкнул паренька на землю. — Всех генералов, чьи имена хоть чего-то стоят в Цзиньюане, моя кня... мой молодой господин прекрасно знает. А ну говори, чей же это подарок?

Не успел паренек увернуться от взмахнувшего рукава, как его задело порывом ветра от удара. Он тут же попятился и шмяк! — уселся на землю. Из носа и рта у него хлынула алая кровь, капли заструились по подбородку. Тут Шэнь Си уже не смог смотреть на это равнодушно: он легко соскочил с лошади и шагнул в толпу.

Юноша в алом взмахнул зажатым в руке хлыстом, намереваясь проучить паренька еще немного, но внезапно его запястье кто-то перехватил. Подняв голову, он увидел перед собой высокого смуглого мужчину. Хуже всего было то, что этот наглец удерживал его мертвой хваткой всего тремя пальцами, не оставляя никакой возможности вырваться. Где ему было терпеть такое унижение? Лицо мгновенно исказилось гневом, брови сошлись на переносице:

— Какая же ты вылезшая хрен пойми откуда шавка, раз смеешь лезть не в свое дело, сопля... тьфу, то есть мой молодой господин занят!

Говоря это, он изо всех сил попытался выдернуть руку, но та не сдвинулась ни на дюйм. От напряжения он до боли закусил губу, а брови нахмурились еще сильнее.

Шэнь Си крепко держал противника и невозмутимо пояснил:

— Юный господин, прошу, умерьте свой пыл. Этот бурдюк я сам подарил этому парнишке, он его не крал. А что до кошелька — тут, пожалуй, тоже может быть недоразумение, позвольте же ему объясниться.

Молодой человек в алом вовсе не желал его слушать и лишь крикнул своим подручным:

— Оглохли все? А ну задайте хорошей взбучки этому наглому черномазому!

Те уже засучили рукава и собирались ринуться вперед с кулаками, но дорогу им преградила белая фигура. Гу Чжоцзы в белых одеждах неторопливой походкой подошел к юноше в алом, с веером в руках отвесил глубокий поклон и произнес так тихо, чтобы слышал только он:

— Гу Чжоцзы приветствует княжну. Прошу княжну не гневаться: этот молодой господин Шэнь — почётный гость князя, он оскорбил вас неумышленно. Незнание не порок, так что не извольте сердиться.

Услышав это, молодой человек в алом испуганно вздрогнул и торопливо окинул взглядом толпу. Заметив неподалёку князя Цзиньюаня верхом на лошади в окружении стражи, он хитро и виновато высунул кончик языка, попутно одарив их угодливой улыбкой. Князь же слегка нахмурил брови и издал тихое недовольное фырканье.

Гу Чжоцзы вовремя добавил:

— Князь велел передать: при таком стечении народа это право... кх-кх, в общем, просим княжну немедленно вернуться в княжеский дворец.

Паренек, которого называли княжной, надул губки, капризно протянул «о-о-у», со злостью зыркнул на Шэнь Си и под конвоем свиты неохотно удалился. Тут Шэнь Си наконец всё понял: неудивительно, что этот юноша казался таким низкорослым и нёс в себе нечто женоподобное — да это же девчонка, переодетая в мужское платье! Исходя из этого, сопровождавшие её слуги, должно быть, тоже были переодетыми служанками. Хотя князю уже перевалило за тридцать, а из всех детей у него была лишь одна дочь, баловать её до такой степени — это уже чересчур! С такой вздорной и вредной девчонкой в будущем лучше держаться подальше.

Когда толпа рассеялась, князь Цзинь подошёл к Шэнь Си и с неловкой улыбкой пояснил:

— Та девчонка в красном — моя младшая дочь Фэйхун. На днях её угораздило родиться под несчастливой звездой, и княгиня отправила её в храм Чуншань поститься, поэтому у неё всё никак не выпадало шанса с тобой встретиться. Мы с княгиней сильно её избаловали, характер у неё и впрямь надменный, но по сути душа у неё добрая, так что Няньцин, не принимай близко к сердцу.

Шэнь Си понимающе приподнял бровь:

— Вот оно что, сама княжна.

Он бросил взгляд на сжавшегося в уголке паренька с кровоточащим носом:

— Кому и стоит принимать это близко к сердцу, так это вам, князь. Солдаты из вашего войска не могут справиться даже с девчонкой, разве вам не стыдно?

Князь замер и перевел взгляд на паренька. Тот со страхом поочередно посмотрел на одного, на другого, а затем торопливо опустился на колени перед князем Цзинем:

— М-младший... младший приветствует князя! Я из отряда генерала Чжана, сегодня по приказу сотника прибыл в город по делам, но никак не ожидал... никак не...

Заметив, что тот мнётся и не смеет говорить дальше, Шэнь Си бесцеремонно прервал его:

— Как тебя зовут?

Подросток глубоко втянул голову в плечи:

— Младшего зовут Цзинь Хулу.

Шэнь Си кивнул:

— Зачем пошел в армию?

— Это... всё из-за голода на родине, совсем не получалось выжить. Люди говорили, что в войске князя Цзиня можно досыта наесться, вот я с несколькими земляками и подался в солдаты, — голос Цзинь Хулу становился всё тише. — Кто же знал, что несколько дней назад нас запрут в Нинчэне, и тех земляков перестреляли градом стрел...

Шэнь Си презрительно фыркнул:

— С такими способностями на поле боя тебя ждет лишь смерть от стрелы, то, что ты до сих пор жив — чистая удача.

Немного помедлив, он опустил взгляд и спросил:

— Хочешь пойти со мной?

После этих слов остолбенел не только подросток, но и сам князь Цзинь. Видя, что паренёк дрожит от страха и не смеет ответить, князь решил всё за него:

— Вот и отлично! Няньцин, ты здесь человек новый, тебе как раз нужен кто-то на подхвате. Раз он из армии, наверняка окажется проворнее всяких служанок.

— У меня есть руки и ноги, пока не нуждаюсь в том, чтобы за мной кто-то ухаживал. Только вот сноровки у этого паренька ни на грош, на поле боя он попросту сгинет ни за хрен собачий, не могу же я позволить ему так бездарно расстаться с жизнью.

Шэнь Си с недовольством покосился на князя, а затем обратился к Цзинь Хулу:

— Пойдешь со мной — подучишься кое-каким азам самообороны. Даже если в будущем не совершишь великих подвигов и не прославишься в веках, по крайней мере сможешь защитить себя и больше не будешь голодать.

Цзинь Хулу отупело замер на мгновение, а затем принялся истово бить челом:

— Благодарю генерала Шэня! Благодарю генерала Шэня!

Наблюдая за этим со стороны, князь Цзинь не удержался от улыбки: у этого Шэнь Сяоуэра оказывается была такая странная слабость — он любил подбирать всякую живность. Сначала маленькая лисичка, теперь вот Цзинь Хулу. Пройдет три-пять лет, и сколько еще странных личностей он натащит в его княжеский особняк? Похоже, скоро придется подыскивать двор побольше.

Вернувшись в княжеский дворец и дождавшись, пока Шэнь Си устроит Цзинь Хулу, подали вечерний ужин.

Шэнь Си церемониться не стал: уселся за стол и, едва взяв в руки чашку, принялся за еду. Умяв полчашки риса, он заметил, что Цзинь Хулу всё ещё столбом стоит рядом, и с недоумением кивнул на стоявшую напротив большую чашку, доверху наполненную горячим рисом:

— Что, ждешь, пока я тебя за стол приглашу? Глупый малец, говорю сразу: ем я быстро, аппетит у меня отменный, если не будешь расторопным, в будущем тебе останется только голодать.

Цзинь Хулу кое-как доковылял до стула, собираясь сесть, но не смел. Увидев, что Шэнь Си в одиночку аппетитно уплетает еду, он невольно сглотнул слюну и робко примостился на самом краешке стула. Заметив, что выражение лица Шэнь Си не изменилось, он уткнулся носом в чашку и принялся жадно заглатывать рис. Шэнь Си мимоходом подцепил палочками немного еды и бросил ему в мишку, а сам, жуя, принялся поучать:

— Лицо цыпленка, и как ты собрался с таким врагов рубить? Мужчина не может позаботиться даже о самом себе — разве гоже ему думать о защите родины и народа?

Услышав это, Цзинь Хулу принялся заглатывать пищу огромными кусками, подражая Шэнь Си.

Но еды во рту оказалось слишком много, жевать он не успевал, и всё застряло в горле так, что бедняга чуть не задохнулся. Шэнь Си, с трудом сдерживая смех, пододвинул к нему чашку. На этот раз Цзинь Хулу поумнел: сначала понюхал, убедившись, что внутри чай, а не вино, и жадно приложился к питью. Переведя дух, он снова, совсем как Шэнь Си, размашисто утёр рот рукавом:

— Вкусно!

Едва оба наелись досыта, Шэнь Си взял тарелку с кусками сырого мяса и направился к маленькой пристройке в западном крыле — пока его не было, маленькую лисичку запирали именно там.

За последнее время они уже привыкли друг к другу, и стоило лисичке услышать шаги, как она поняла — идет Шэнь Си, и заранее закружилась по комнате от восторга. Съев пару кусочков мяса и слегка потянув носом воздух, она уловила исходящий от двора запах чужака. Воспользовавшись тем, что Шэнь Си потерял бдительность, лисичка пулей вылетела из комнаты и бросилась прямо на Цзинь Хулу. Тот почувствовал, как что-то алое промелькнуло перед глазами, а мгновение спустя пушистый комочек ткнулся ему в лицо, издавая странное свистящее дыхание. Бедняга от ужаса чуть не лишился чувств, истошно завопил Мамачки! и, крепко зажмурившись, принялся беспорядочно махать руками в воздухе.

Шумная возня Цзинь Хулу напугала и саму лисичку. Кувыркнувшись на землю, она заскребла всеми четырьмя лапками и, не разбирая дороги, заметалась по двору, пока наконец не удрала из него, волоча за собой пушистый хвост. Шэнь Си ничего не оставалось, как броситься в погоню.

Поначалу лисичка испугалась и хотела поскорее убежать, но, пробежав какое-то расстояние, позабыла о недавнем испуге, полученном от Цзинь Хулу, и теперь желала лишь поиграть с Шэнь Си в догонялки. Пробежав немного, она непременно оборачивалась, и, заметив, что Шэнь Си отстает, останавливалась и ждала. А когда он приближался вплотную, снова срывалась с места и неслась со всех ног. К счастью, выносливости Шэнь Си было не занимать, и погоня увлекала его всё сильнее.

Бегство завело их к высокой стене, оплетенной густым вьюном, преградившей путь. Лисичка сжалась в комочек и шмыгнула в маленькую дыру у основания стены, заросшую бурьяном. Шэнь Си остановился, не спеша отступил на пару шагов, раз-два-три — взмыл в воздух, оседлал гребень стены и, прицелившись туда, где пряталась лисичка, стремительно бросился вниз. Широко раскинув руки, он наконец поймал эту проказницу, отряхнул с себя пыль и с чувством полного удовлетворения засунул её за пазуху.

Не успели они с лисой двинуться в путь, как снаружи донеслись шорохи шагов и негромкий женский голос. Шэнь Си на мгновение досадливо поморщился, ругая себя за то, что вот так бездумно забрел сюда. Сейчас он даже не представлял, где находится, и если бы столкнулся с кем-то из женской половины обитателей особняка, проблем было бы не обернуться. Поразмыслив над этим, он попросту подпрыгнул, ловко вскарабкался по стволу дерева на крышу и залёг там, скрывая фигуру, в ожидании подходящего момента, чтобы бесшумно улизнуть.

Дворцовая створка отворилась, и на пороге появилась сама княгиня. Оставив свиту за пределами двора, она вошла в помещение лишь с одной личной служанкой, которая бережно несла благовония и погребальные деньги. Сумерки уже сгущались, но ночь еще не вступила в свои права. Едва княгиня вошла внутрь, как из щели в двери потянуло густым запахом

благовонной гари.

Шэнь Си, не удержавшись от любопытства, осторожно приподнял черепицу и заглянул внутрь. То, что он увидел, едва не довело его до сердечного приступа: это неприметное помещение оказалось поминальной кумирней. Внутри были расставлены сотни и тысячи табличек с именами. Большинство этих мрачных и массивных табличек были без каких-либо надписей. Они поднимались ярусами вдоль длинного стола, и самый верхний ряд упирался прямо в потолок — от одного этого зрелища по коже пробегали мурашки.

Княгиня опустилась на мягкую подушку посередине комнаты, почтительно вокурила благовония и заговорила тихим голосом:

— Тятенька, братец, Цин-гэ, сегодня Фэйхун вернулась из храма, всё было сделано в точности так, как велел наставник. Надеюсь, теперь она пребудет в безопасности, и вы тоже защитите её. Цин-гэ, тебе не о чем тревожиться там, на небесах: князь очень заботится о нас с дочерью, а к Фэйхун относится так, будто она его собственная плоть и кровь. Порой он балует её до такой степени, что даже мне, матери, становится не по себе.

Княгиня с нежной материнской улыбкой тихонько усмехнулась, словно вспомнив что-то еще:

— Ах да, говорят, что в последнее время государь изъявил желание пожаловать Фэйхун замужество. Впрочем, можешь не волноваться: князь уже пообещал мне, что непременно выберет для Фэйхун такого мужа, который придется ей по сердцу...

Услышав этот ошеломляющий секрет, которого он никак не ожидал, Шэнь Си поспешно вернул черепицу на место и замер на крыше, боясь пошевелиться, чтобы кто-нибудь не выдал его присутствие. Хотя в народе давно ходили слухи, что княжна Фэйхун — вовсе не родная дочь князя Цзиня, он всё равно никак не мог взять в толк: как такой человек, как Вэй Люй, зная, что это не его ребенок, добровольно согласился сносить людские толки, вырастил княжну и при этом так безумно её баловал? Кем же... кем на самом деле был этот Вэй Шоучжи?

Лишь после того, как княгиня удалилась, Шэнь Си на цыпочках спрыгнул на землю и тайком выбрался со двора. И тут он снова растерялся: увлекшись погоней за лисой, он совсем забыл следить за дорогой. Дворец сам по себе был невероятно огромен, с извилистыми тропинками и мрачными тенями деревьев, а все эти беседки и терема в сумерках казались на одно лицо — он безнадежно заблудился.

Как назло, вокруг не было ни души: те толпы евнухов и служанок, что сновали здесь днем, куда-то испарились. Попросить помощи было не у кого, и Шэнь Си решил наугад двинуться на свет. Издалека до него доносились звуки мелодичной игры на цине.

Свет становился всё ближе: оказалось, что это небольшая беседка с подвесными фонарями у самого озера. Спinoй к нему сидел какой-то мужчина и был полностью поглощен игрой на инструменте. Мелодия лилась из-под его пальцев, смешиваясь со звуками воды, отчего казалась еще более неземной и призрачной. Шэнь Си сделал пару шагов вперед, но не успел раскрыть рта, как музыка внезапно обрвалась. Музыкант прикрыл рукой рот и зашелся в приступе кашля. Казалось, он хотел подняться, но ноги подкосились, и ему пришлось опереться о каменный столик, чтобы не рухнуть на землю.

Заметив это, Шэнь Си поспешил на помощь и поддержал его:

— Молодой господин, вам нездоровится?

Музыкант обернулся — это оказался тот самый цинши Цзян Юньшэн, которого князь так заботливо опекал и оберегал во время недавнего пира. Цзян Юньшэн слабо махнул Шэнь Си рукой:

— Ничего страшного, старая хвороба. Стоит немного передохнуть, и пройдет.

Вспомнив слова девчонки про бессмертного духа, Шэнь Си с любопытством оглядел Цзян Юньшэня: осунувшееся лицо, бледная кожа, опущенные веки и затуманенный взгляд. На дворе стояла глубокая осень, а он был одет лишь в тонкое просторное ханьфу, рукава которого развевались на легком ветерке, придавая ему поистине неземной вид.

Шэнь Си отличался отзывчивостью и не удержался от замечания:

— Ночью веет холодом, молодой господин одет слишком легко.

Цзян Юньшэн обессиленно улыбнулся:

— Мальчишка-слуга ушел за накидкой, скоро вернется. Случайно, не вы ли тот самый молодой господин Шэнь Няньцин? На банкете мне не довелось с вами пообщаться, я — Цзян Юньшэн.

— Я уже слышан о великом имени господина Цзяна, прославленный по всей Поднебесной музыкант и впрямь бесподобен, — с искренней улыбкой ответил Шэнь Си. — Хотя я и не силен в музыке, но, слушая вас по дороге сюда, ясно понял: выражения вроде шума сосен в лощине или грохота волн — это как раз про вашу игру.

Цзян Юньшэн остался скромным:

— Вы слишком льстите мне, молодой господин Шэнь. Если моя игра показалась вам приятной, то лишь наполовину это заслуга моего мастерства, а остальное — заслуга самого инструмента. Этот цинь подарил мне князь, имя ему Ду-ю. Это древняя легендарная цитра, чей звук глубок, мощен и архаичен. Она создана для великих мелодий, и даже если на ней заиграет обычный человек, всё равно извлечет звуки журчащих в горах ручьев. Если не верите, молодой господин Шэнь, попробуйте сами.

Шэнь Си не умел играть на цине, но был слышан о славе «Ду-ю», а также о строках про лазурную цитру у Врат Облаков и одинокое скорбное звучание «Ду-ю». Приглядевшись к инструменту, он действительно заметил на корпусе редчайший узор в виде распустившихся цветков сливы. Поддавшись внезапному порыву, он провел пальцами по струнам. И хотя мелодии не получилось, раздался звонкий, подобный металлу и камню звук, который тронул душу.

Только он хотел выразить свое восхищение, как за спиной раздался резкий окрик:

— Что ты делаешь?

Шэнь Си и Цзян Юньшэн синхронно обернулись: у ступеней стояли князь Цзинь и Хулу Буси с остальными.

Заметив, что Цзян Юньшэн одет лишь в тонкое одеяние, князь поспешно снял собственную верхнюю одежду и накинул её на плечи музыканту, после чего мягко и укоризненно произнес:

— Как можно играть на цине на сквозняке? Сколько раз тебе повторял, а ты всё равно не слушаешь, заставляешь меня переживать снова и снова, за это тебя стоит наказать! Выпил ли

ты лекарство? Ступай скорее в комнату и отдохни.

Он бросил косой взгляд на Шэнь Си и холодно отчитал Ху Буси:

— Я подарил цитру Ду-ю Шэн-эру, как можно позволять кому попало трогать её? Этот инструмент — семейная реликвия, он бесценен! Если с ним хоть что-то случится... Ху Буси, с тебя я спрошу по всей строгости!

Внешне эти слова были обращены к Ху Буси, но любой бы понял, что на самом деле упрек адресован Шэнь Си.

<http://bllate.org/book/21936/2279021>